

В. Е. Попов, А. И. Филюшкин

РУССКО-ЛИВОНСКИЕ ДОГОВОРЫ 1554 г.¹

Конфликты в Прибалтике, пограничные войны Новгорода Великого и Пскова с Ливонским орденом, Дерптским епископом, ливонскими городами традиционно были связаны со взаимными обвинениями в нарушениях существующих договоров. Они нередко предпринимались как раз для коррекции этих договоров, внесения в них изменений, выгодных той или другой стороне. Или наоборот, внесение в договор неприемлемых пунктов влекло войну².

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 09-01-95105 а / Э.

² Подробнее см.: *Goetz L.* Deutsch-russische Handelverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916; *Cosack H.* Livland und Rußland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitags // *Hansische Geschichtsblätter*. 1923. Bd 28. Jg. 48. S. 1–60; 1926. Bd 31. Jg. 51. S. 72–115; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. *Angermann N.* Nowgorod und seine Beziehungen zur Hanse // *Europas Städte zwischen Zwang und Freiheit*. Regensburg, 1995. S. 189–202; *Бессуднова М. Б.* История Великого Новгорода конца XV – начала XVI века по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009.

В этом плане крупномасштабный конфликт России и Ливонии в 1558 г. мало отличался от предыдущих по своей типологии. В то же время, в содержательном плане он имел свою специфику, связанную прежде всего с неожиданной для ливонской стороны актуализацией требования выплаты т. н. юрьевской дани в 1554 г. Но механизм реализации этого требования русской стороны все равно первоначально был традиционным, через пересмотр содержания существующих договоров.

Спецификой русско-ливонских отношений в первой половине XVI в. было то, что после присоединения к Москве Новгорода Великого и Пскова формально осталась неизменной система юридического оформления взаимоотношений. По-прежнему заключались три отдельных соглашения: Новгорода с Ливонским орденом (магистром), Пскова с Ливонским орденом (магистром) и Пскова с Дерптским епископством. При этом переговоры велись как наместниками Новгорода и Пскова, так и московскими посольскими службами, и в любом случае утверждались великим князем и государем всея Руси.

Тем самым получалось, что ливонская сторона договаривается как бы не со всем Российским государством, а только с наместниками двух его окраинных провинций, и только через посредничество этих провинций выходит на центральную власть. Хотя в реальности, конечно, за договором стояла воля московского государя, и все стороны это прекрасно понимали. Но Москве было выгодно сохранять новгородско-псковско-ливонский формат переговоров. Зачем? В основе лежало непризнание великими князьями равными себе ливонского магистра, рижского и тем более дерптского архиепископов. Переговоры между государями предполагали их более или менее равный статус, что в данную эпоху определялось через понятия «братство» или, в крайнем случае, «соседство». «Братьями» русского государя считались крымские ханы (Гирей), короли Польши (Ягеллоны), императоры Священной Римской империи (Габсбурги), турецкие султаны, английские и французские монархи. В случае прихода к власти в этих странах сомнительных правителей, вроде избранного «не Божьим соизволением, а мятежным человеческим хотением» польского короля Стефана Батория, они из «братьев» превращались в «соседей»³.

Ливония считалась младшей ветвью Немецкого ордена (более известном как Тевтонский орден). Тевтонского великого магистра Василий III называл «высокий магистр Прусский»⁴, но ни о каком «братстве» речи не было. Глава Немецкого ордена, по сравнению с великим князем и государем всея Руси, в глазах и Василия III, и Ивана IV несомненно стоял на куда более низкой ступени в иерархии правителей Европы. А уж ливонский магистр, формально подчинявшийся великому магистру — и подавно. Их расценивали как «князей», правителей отдельной территории, по статусу близких к русским удельным князьям. Общаться с таким мелким правителем на равных означало бы допустить «поруху» государевой чести. А вот новгородский наместник для него в самый раз, примерно равен по статусу, как правитель отдельной земли, поставленный более значимым государем.

Стоит обратить внимание на то, что Ливония не рассматривалась Россией как единое целое, но как конгломерат владений ландсгерров (каким она и была), в число

³ *Филошкин А. И.* Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 230–231.

⁴ Грамота Василия III Альбрехту, магистру Прусскому, март 1517 г. // Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 19.

которых входили, прежде всего, магистр ордена, рижский архиепископ и епископы Дерпта, Ревеля и др. Признавать их ровней великому государю всея Руси было совершенно невозможно.

Впрочем, на наш взгляд, не стоит видеть в сохранении новгородско-псковского формата переговоров какой-то особо злой умысел русской стороны. Характерно, что ливонская сторона — в отличие, например, от шведского короля Иоганна III, — никогда не настаивала на изменении существовавшего протокола. В пользу новгородско-псковского варианта говорила и его практичность. В средневековой дипломатии многое зависело от традиции. У Москвы не было никакого опыта заключения договоров с представителями Ливонской конфедерации — в начале XVI в. имели место соглашения с Тевтонским орденом, но не с Ливонией. При этом урегулирование отношений с далекой Прибалтикой для нее вовсе не было актуальным, особенно в конкретной плоскости — что делать с рыбаками, которых ветром занесет на другой берег Псковского озера, на каких землях по реке Нарове можно косить сено и стоит ли разрешать перегружать товары из немецкой ладьи непосредственно в русскую? Все эти и им подобные вопросы интересовали ливонское, новгородское и псковское население, имели определенную историю решения и договорно-правового оформления. Московские дипломаты не могли здесь проявить необходимую компетентность и квалификацию, а новгородские и псковские могли. Поэтому одним из главных мотивов сохранения за этим регионом переговорных прерогатив с Ливонией была элементарная практичность — Москва не смогла бы компетентно урегулировать текущие торговые и экономические вопросы, а Великий Новгород и Псков имели богатую традицию отношений с Ливонией.

В этом плане договоры 1550-х гг. как раз и были переменной существующей системы отношений, поскольку в их оформление властно вмешалось центральное правительство России. В договоре 1535 г. сказано, что он заключен «По Божьей воле и по великого государя велению...», но далее следует в своей основе традиционный текст новгородско-псковско-ливонских соглашений⁵. В договоре же 1550 г. говорится о резком обострении отношений, инициатором которого выступает именно Москва:

«...благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси положил был гнев на честнаго князя Вифленского, и на арцыбископа, и на всю их державу за порубежные дела, и за гостей новгородских и псковских бесчестья и за обиды, и за торговые неисправления, и что из Литвы и из заморья людей служилых, и всяких мастеров не пропущали, и за то не велел был наместником своих отчин Великого Новагорода и Пскова дати перемирья»⁶.

Остальной текст договоров 1550 г. близок к договору 1535 г. и восходит к более ранним соглашениям. То есть новизна проявилась именно в самой угрозе войны «за неисправление», внесенном в договор. Причины названы две: пограничные конфликты (порубежные дела) и блокада Русского государства, непропуск в Россию

⁵ Капитанов С. М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 237–243.

⁶ Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. // РГАДА. Ф. 64 (Сношения с Лифляндией). Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

европейских военных и технических специалистов. В договоре Пскова с дерптским епископом 1550 г. этот перечень чуть более подробен:

«...за порубежные дела и за гостей новгородских и псковских безчестья, и за обиды, и за торговые неисправления, и за дань, и за старые залого, и что изъ Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропущали...»⁷

То есть тут акцент делается на обидах, нанесенных новгородским и псковским купцам и на неплатеже «дани и старых залогов». Надо подчеркнуть, что все эти требования — и в договоре с магистром, и в договоре с дерптским епископом — были традиционными для русско-ливонских конфликтов второй половины XV–первой половины XVI в.⁸ И пограничные споры, и притеснения купцов, и не-пропуск мастеров и стратегических товаров — все это были «факторы раздражения» в русско-ливонских отношениях еще со времен Новгородской и Псковской республики.

И даже упоминание некоей дани и «старых залогов», под которой, несомненно, имеется в виду знаменитая Юрьевская дань, тоже было ритуальной традицией. Об истории этой дани написано немало, но нельзя сказать, что в данном вопросе достигнута полная ясность⁹. Выдвигаемые еще средневековыми хронистами экзотические версии о «медовом сборе» (неких русских пчельниках на ливонской территории) и тому подобные надлежит признать несостоятельными. Вероятнее всего, наиболее правильны версии, выводящие происхождение этого платежа из древней дани, взимаемой Псковом с латышей Толовы в XIII в. Так или иначе, несомненны два факта: что дань была изначально связана с областью Дерптского епископства и что она много лет не собиралась. Она фигурировала во всех известных псковско-дерптских договорах с 1463 г., но ливонцы ее никогда не платили, а русские не настаивали. Упоминание дани в договоре 1550 г. было лишь данью обычаю.

На «исправление» по договору 1550 г. ливонцам отводился год:

«И благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, для бояр своих челобитья, князя маистра и арцыбископа и всю их державу пожаловал, гнев им свой отложил, и велел боярину своему, и наместнику псковскому, дати перемирье к старому

⁷ Договор псковских наместников с Дерптским епископом, 23 августа 1550 г. // Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 2 об.

⁸ А. Л. Хорошкевич почему-то считает, что в 1554 г. «...требование дани основывалось на тексте перемирия 1550 г.» (*Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 149). Это недоразумение, требование дани, фигурировало в псковско-дерптских договорах с 1463 г. уже почти полвека. Хотя дальше она пишет о требованиях дани с 1463 г., фактически дезавуируя собственное же утверждение о значении пункта о дани в договоре 1550 г.

⁹ Подробнее см.: *Юрьенс И. И.* Вопрос о ливонской дани // *Варшавские университетские известия.* 1913. № 6. С. 1–8; № 7. С. 9–16; № 8. С. 17–32; № 9. С. 33–57; *Stern C.* 1) *Der Vorwand zum grossen Russenkrieg 1558.* Riga, 1936. S. 6–10; 2) *Dorpat-Pleskauer Kämpfe und Verträge 1448–1463* // *JGO.* 1940. Jg. 5. H. 3/4. S. 413–418; *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 376–381; *Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 135–137; *Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550–1558 // *Zeitschrift für Ostforschung.* 1976. T. 25. S. 593–594; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России. М., 1994. С. 197–199; *Selart A.* Der «Dorpat-er Zins» und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter // *Aus der Geschichte Alt-Livlands: Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag* / Hrsg. von B. Jähnig und K. Militzer. Münster, 2004. S. 11–37.

перемирию на год. А маистру, и арцыбископу, и всей их державы людем по перемирной грамоте, и по крестному целованью во всех делех по ответному списку исправитися на съезде перед вопчими судьями. И исправитца в тот год маистр и арцыбископ и вся их держава во всех делех по перемирной грамоте и по крестному целованью, о которых делех от государя в ответах говорили его бояре, и диаки, и благоверный царь и великий князь пожаловал, велел наместником своим х тому годовому перемирию прибавити перемирья на пять лет, от Покрова Святей Богородицы лета семь тысящ шестьдесят первого, до Покрова ж Святей Богородицы, лета семь тысящ шестьдесят шестага. А то годовое перемирие на розправу во всяких делех. И после исправы, и се прибавленое пятилетние перемирье, благовернаго царя и великого князя жалованье, за прошеньем князя маистра Ливонского, и арцыбископа Ризского, и всей их державы, по сей грамоте держати крепко на обе стороны»¹⁰.

Поскольку в истории русско-ливонских отношений подобные требования и нередко следовавший за ними военный конфликт, как правило, актуализировались для ревизии существующего соглашения, встает вопрос: зачем Россия в 1550 г. выступила с подобным демаршем? Почему она грозила войной? Чего, собственно, добивалась Москва?

Предположить наличие у дипломатов Ивана Грозного уже в 1550 г. далекоидущих планов аннексии Ливонии мешает полное отсутствие каких-либо свидетельств на сей счет. Не существует абсолютно никаких источников за 1550-е гг., которые могли бы пролить свет на «кухню» работы российской посольской службы. Гипотетически такие планы могли быть, первым шагом в их реализации, возможно, являлся договор 1550 г., содержащий заведомо невыполнимое требование за год «исправиться во всех делех» и полностью соответствовавший традициям предшествующих новгородско-псковско-ливонских пограничных войн. Но реализации этих планов помешала начавшаяся в 1551 г. крупномасштабная Казанская кампания. О Ливонии было забыто. Когда по истечении указанного года магистр и епископ прислали послов, неизвестно, какие доказательства «исправления» они предъявили, но договор все равно был продлен¹¹. Странность этой ситуации далее породила предположение, что стороны юридически в 1552–1554 гг. оказались в состоянии войны¹². Царь брал Казань, решалась историческая судьба его царствования¹³, до ничтожной Ливонии

¹⁰ Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. Л. 11–11 об. Публикацию немецкого текста договоренностей 1550 г. см.: *Наньерский К. Е.* Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 369–374. № 380. — Он представляет собой грубый и дефектный в ряде мест практически подстрочник к русскому тексту.

¹¹ Впрочем, из переписки архиепископа Вильгельма с герцогом Альбрехтом известны сношения ливонцев с царем через гонцов (характерно, что магистр и архиепископ посылали их отдельно и в разное время — так сильно было взаимное недоверие между ними), а также немецкий список послания Ивана IV магистру Галену апреля 1552 г. с требованием прислать посольство (*Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551–1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearbeitet von Stefan Hartmann. (Veröffentlichungen aus den Archiven Preußischer Kulturbesitz. Bd 57). Köln; Weimar; Wien, 2005. Nr 1541, 1547, 1556/1, 1569 и др.*).

¹² В современной эстонской историографии можно встретить подобное мнение: *Laidre M.* Dorpat 1558–1708: Linn väe ja vaenu vahel. Tallinn, 2008. Lk. 38. — За указание этой работы благодарим М. Маазинга.

¹³ Об историческом и идеологическом значении Казанского взятия 1552 г. для русской государственности см.: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С. 177–202; *Pelensky J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). Mouton, 1974. P. 65–138.

ли тут... Э. Тибберг очень точно заметил, что русская активность в отношении Ливонии в 1550 г. «не гармонировала» с борьбой на татарском направлении¹⁴.

Однако, повторимся, существование таких планов недоказуемо, о них можно говорить только в плане предположения. Но зададимся вопросом: а чего Россия добивалась в 1550 г., ради чего затевался конфликт? При сравнении русских текстов договоров 1535 и 1550 гг. выясняется, что по всем положениям они практически идентичны. Ничего принципиально нового русская сторона в договор 1550 г. по сравнению с 1535 г. не внесла. Поэтому гипотеза о провокативном характере русских претензий в 1550 г. не может быть легко отвергнута: просто непонятно, иначе зачем затевалась история с годичным испытательным сроком? Э. Тибберг обратил внимание, что в 1550 г., также как и в 1557 г., накануне русского вторжения 1558 г., царь Иван Грозный издал запрет русским купцам ездить в Ливонию¹⁵. Это тоже косвенно может свидетельствовать о каких-то военных приготовлениях.

Далее в русско-ливонских отношениях возникает некий правовой вакуум. Ливония и Россия продлили истекшее в 1551 г. годичное перемирие всего на пять лет, что создавало предчувствие близкой войны. Для России это годы покорения Казанского ханства, и ей было явно не до Ливонии. Ливонские же ландсгерры, раздираемые внутренними противоречиями, больше занимались борьбой друг с другом, чем предохранением от возможного конфликта с Россией. Все возможные проекты «спасения Ливонии» (заключение военно-политического союза с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, введение чрезвычайного военного налога по аналогии с европейским налогом на войну с Турцией, сбор войска и наем солдат и т. д.) были в начале 1550-х гг. благополучно провалены¹⁶.

Переговоры с Россией возобновились только в 1554 г.¹⁷ Главным и печально известным событием на них была внезапная для Ливонии актуализация требования юрьевской дани. Остальные пункты договора 1554 г., как подчеркнул И. П. Шаскольский, практически повторяют соответствующие положения договора 1550 г.¹⁸ Существует мнение, что для России в 1554 г. был важен сам факт платежа дани: кто платит, тот является подданным, и если бы Ливония заплатила дань — то тем самым она бы признала свою политическую зависимость от России, а царя Ивана

¹⁴ *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984. S. 111.

¹⁵ *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges... S. 10.

¹⁶ Единственным успехом ливонской дипломатии можно считать, пожалуй, лишь удовлетворенное ходатайство орденового посланника на аугсбургском рейхстаге 1550–1551 гг. Филиппа фон дер Брюгена об освобождении Ливонии от уплаты турецкого налога под предлогом грозящей Ливонии опасности со стороны Москвы (Supplikation des Hans von der Recke, Deutschmeister in Livland // Deutsche Reichstagsakten. Jüngere Reihe. Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Karl V. Band XIX: Der Reichstag zu Augsburg 1550/51. Bearbeitet von *Erwein Eltz*. München, 2005. Nr 277. S. 1473–1474).

¹⁷ О ходе переговоров см.: *Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 389–391; *Tiberg E.* Die politik Moskaus... S. 581–591; *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Copenhagen, 1973. S. 21–26; *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 149–153.

¹⁸ *Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 382. — Из других нововведений ученые иногда акцентируют внимание на принятии Ливонией на себя обязательств не вступать в соглашения с Великим княжеством Литовским, но, как подчеркнул И. П. Шаскольский, этот пункт не был новым, а фигурирует в русско-ливонских договорах с начала XVI в. (Там же. С. 397). По Н. А. Казаковой, данные требования Россия предъявила Ливонии в 1505 г. (*Казакова Н. А.* Указ. соч. С. 243), а в 1509 г. они были включены в договор (Там же. С. 248–251).

Грозного — своим сюзереном. Впрочем, данная трактовка не исключает и вымогательский характер действий Московии — в 1554 г. по отношению к Ливонии она вела себя как государство-рэкетир, под угрозой насилия вымогающее деньги. Неизвестно, состоялась бы война, если бы Ливония заплатила требуемую сумму.

Во всяком случае, содержание публикуемых переговоров говорит о том, что они были рассчитаны на какой-то период действия. Ничто в них не указывает на то, что целью России было исключительно найти *casus belli*. Москва выстраивала новую архитектуру отношений в Прибалтике, где Ливония выступала как зависимое государство, эксплуатируемое как прямым (сбор дани), так и косвенным образом (использование ливонской торговой инфраструктуры для коммерческих связей России и Европы). Именно это было целью Ивана Грозного, а вовсе не поиск повода для военного вторжения¹⁹.

Ливонские послы на переговорах 1554 г. пытались дезавуировать требование платежа дани, но русские дипломаты, Алексей Адашев и Иван Висковатый объяснили, что в случае отказа царь «сам пойдет за данью», то есть начнет войну. Делать было нечего, и обязательство выплаты всех сумм до 1557 г. было включено в новгородско-ливонский договор (до этого с 1463 г. оно фигурировало только в псковско-дерптских договорах)²⁰.

И вот здесь начинается интрига. Почему Ливония, взяв на себя обязательство в течение трех лет собрать и выплатить дань России, отнеслась к этому требованию столь беспечно? В роковом 1557 г. дань не была собрана. Ответ, видимо, содержится в том, что, как доказал Э. Тибберг, Россия и Ливония по-разному понимали (или делали вид, что понимают) заключенные соглашения. Как показали Э. Тибберг и В. Е. Попов, имело место некое лингвистическое недоразумение, допущенное случайно или сознательно. Переводы текстов договоров были выполнены разными переводчиками: псковско-дерптский — Гансом Фогтом, новгородский — Мельхиором Гротхузенем. Оба они перевели русское выражение «сыскати дань» (то есть «востребовать ее сбор, выплату») как: «исследовать вопрос о дани»: «*denselbigen Zinss undersuchunge thun*» и «*den Tinss undersocken*» соответственно.

Теперь игра слов в новгородском договоре меняла его смысл до неузнаваемости. Согласно немецкому тексту, предполагалось, что дерптский епископ исследует поднятый русскими вопрос о дани и в третий год перемирия отошлет результаты своего расследования в Москву. Если же он этого не сделает, то следствие должна будет провести вся Ливония. А в русском тексте договора стояло, что ливонцы

¹⁹ Точка зрения о договоре 1554 г. как основе мирного сценария экспансии России в Прибалтику в свое время была высказана С. В. Бахрушиным и И. П. Шаскольским (*Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 376). О том, что «...Масква бачила і мірныя альтэрнатывы падпаркавання прыбалтыйскай дзяржавы», писал А. Н. Янушкевич (*Янушкевіч А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. Мінск, 2007. С. 25). А. Л. Хорошкевич несколько загадочно считает результат переговоров 1554 г. «Несомненной победой русской дипломатии над здравым смыслом» (*Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 153). Аргументов в пользу такой уничижающей оценки она не приводит. Нам эти слова представляются не соответствующими реалиям 1554 г.: русская сторона в дипломатической дуэли, несомненно, добилась успеха и поставленных целей. Никакого противоречия «здравому смыслу», во всяком случае, в том, как его понимала московская посольская служба, в переговорах 1554 г. не наблюдается.

²⁰ Отчет о переговорах ливонских посланников с «князем» Алексеем Федоровичем Адашевым и с дьяком Иваном Михайловичем (Висковатым). 28 апреля – 1 июня 1554 г. // Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. М., 1915. Вып. 1. С. 23–38. № 20.

обязуются собрать и через три года выплатить дань, а в случае неисполнения этого условия русский царь сам пойдет собирать дань! Откровенная угроза объявления войны превратились под пером переводчика Мельхиора в миролюбивое пожелание царя самому принять участие в разысканиях через своих послов («sine sacke suluest undersocken mith beschickinge syner baden»)²¹.

Перед нами ошибка переводчика или умысел русских или ливонских дипломатов? Для средневековых договоров вообще-то характерна подобная терминологическая двусмысленность. Дипломаты больше всего боялись навлечь на себя гнев пославших их монархов, поэтому нередки случаи, когда каждая сторона писала в своем варианте договора то, что велел монарх. Разница текстов договоров устраивала всех. Русские дипломаты Адашев и Висковатый отчитались перед царем Иваном Грозным, что дело сделано, Ливония обещала заплатить. Ливонские послы по возвращению могли заявить, что они отвергли страшные и необоснованные претензии московского варвара и согласились только на «расследование» вопроса о дани. В любом случае это было на руку обеим сторонам, и 24 июня 1554 г. в Новгороде они скрепили договоры печатями.

В Ливонии, несомненно, понимали, что послы слукавили, и что ситуация складывается не столь замечательно, как хотелось бы побывавшим в Москве дипломатам. Переписка орденского магистра Генриха фон Галена, рижского архиепископа Вильгельма с их адресатами в Ливонии и Европе свидетельствует, как показал М. Маазинг, что среди ландсгерров были страх перед «русской угрозой», опасение, что неплатеж дани может привести к войне. Магистр обвинял дипломатов в превышении полномочий²². Но дни шли за днями, ничего страшного не происходило, и победило традиционное для Ливонии довольно легкомысленное отношение к договорам с Россией.

Даже когда в 1555 г. новгородский посланник Келарь Терпигорев прибыл в Дерпт для подтверждения соглашения, ливонские политики утвердили договор, но с «протестацией». Под ней понималось право оспорить договор в камерном суде Священной Римской империи. Сразу же обнажилась пропасть между юридической культурой европейски образованных ливонцев и дипломата московского царя. Терпигорев понятия не имел, что такое «протестация». Когда же ему объяснили, с трудом скрывая ликование («уж император-то поставит московитов в границы!»), он равнодушно ответил: «А какое моему государю дело до императора?».

Заключительное поведение Келаря Терпигорева в изображении ливонского хрониста Бальтазара Рюссова весьма символично: он кладет грамоту, в которой подтверждается обязательство ливонцев платить дань, себе за пазуху, и объясняет присутствующим смысл своих действий: «Ведь это маленькое дитя, которое нужно холить и кормить белым хлебом и сладким молоком. Когда же ребенок подрастет,

²¹ Немецкие тексты см.: Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Unkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands dienen. Riga; Leipzig, 1847. Bd 5. № 184. S. 508–515. Подробнее см.: *Tiberg E.* Die politik Moskaus... S. 577–617; *Понов В. Е.* Ошибка переводчика. Как в Новгороде началась первая война России и Европы // Родина. Российский исторический журнал. 2009. № 9. С. 52–53.

²² *Маазинг М.* «Русская опасность» в письмах Рижского архиепископа Вильгельма за 1530–1550 годы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 184–194/

то наверно заговорит и принесет большую пользу нашему великому князю». По Ниентшедту, Терпигорев выразился еще более образно: угостив провожавших его ливонцев на радостях водкой «по русскому обычаю», отдавая своему подьячему грамоту, он сказал: «Смотри, береги и ухаживай за этим теленком, чтобы он вырос велик и разжирел». Как мы видим, ливонские хронисты для осмысления положения Ливонии прибегли к образу беспомощного, но готового к употреблению домашнего скота, вроде дойной коровы, разжиревшего теленка, которого уловят в сеть, затравят собаками и вообще отдадут на заклятие, а он ведет себя, как несмышленный теленок²³.

Следующие полгода ливонцы занимались архивными изысканиями, результатом которых стали пять старых договоров: два из городского архива Дерпта и три — из епископского, в которых о дани не было ни слова. Посчитав, что они таким образом «сыскали дань», дерптский епископ и магистр направили в начале 1557 г. посольство в Москву, снабдив его обнаруженными документами.

Аргументы послов не произвели на царя никакого впечатления: он посоветовал им «отставить их безлепичные и непрямыя речи» и исправиться во всех делах. Как показано В. Е. Поповым, напрасно орденские послы убеждали Ивана Висковатого, будто магистр

«...и вся ливонская земля поняли тот пункт, который записан в последней грамоте, не иначе как “расследование, наведение справок” (нем.: *nachforschung, erkundigung*), а не “собрание” (*sammlung*), как это толкует царь и государь всея Руси: поэтому это недо-разумение, будто дерптский епископ обязан давать царю всея Руси подать или дань...» (перевод В. Е. Попова)²⁴.

В марте 1557 г. послы были «бездельно отпущены с Москвы». Ливония занервничала, и было от чего — призрак войны приблизился неожиданно близко. «А теперь из-за глупого недопонимания одного слова все зашло так далеко», — говорилось в инструкции новым дерптским послам в Москву в сентябре 1557 г.²⁵ Только теперь ливонская дипломатия решила начать торг о сумме выплат. Но было уже поздно: в ноябре 1557 г. при дворе Ивана Грозного выйдет русская грамота об официальном объявлении войны Ливонскому ордену²⁶, а в январе 1558 г. поместная конница перейдет реку Нарову, и начнется первая война России и Европы...

* * *

Комплекс договоров 1554 г., непосредственно предшествовавших войне за Ливонию, на русском языке не издавался. Российские варианты двух самых важных договоров — новгородско-ливонского и псковско-дерптского публикуются нами впервые, по хранящимся в Российском государственном архиве древних актов

²³ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 344–347; Ниентшедт Ф. Ливонская летопись // Там же. Рига, 1881. Т. 4. С. 12.

²⁴ Bienemann F. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562. Riga, 1876. Bd V. S. 462–463. № 910.

²⁵ 1557. – vor Sept., 29. Der Dörptischen Meinungsäusserung über die nach Moscau abzufertigende Gesandtschaft // Ibid. Riga, 1865. Bd I. S. 30, 35. № 44.

²⁶ Оригинал грамоты опубликован: Попов В. Е., Филошкин А. И. Как начиналась Ливонская война? // Единорог / Ред. А. Малов. М., 2010. Вып. 2 (В печати).

в фонде 64 (Сношения с Лифляндией, Эстляндией, Восточной Финляндией) писарским копиям второй половины XVIII в. (у грамот указан переписчик — Мартын Соколовский²⁷) с оригиналов XVI в., находящихся в плохой сохранности²⁸.

Договор № 1 подготовлен к печати А. И. Филюшкиным, № 2 — В. Е. Поповым.

№ 1.

**Договор новгородских наместников с ливонским магистром,
24 июня 1554 г.**

// **Л. 7.** 1554 года июня. Договорная запись Лифландского магистра Генриха фон Галена послов Иогана Бокгорста с товарищи, и Германа бископа Юрьевского послов Вольмера Врангеля с товарищи, учиненная в Новьгороде с боярином и наместником Новгородским князь Дмитрием Федоровичем, и с наместником Псковским боярином Иваном Петровичем о постановлении между обеих держав перемирия на 15 лет, считая с 1 октября 1554 года.

По Божьей воле и по великого государя велению Ивана Божию милостию царя и государя всея Руси и великого князя Володимерского, и Московского, и Новгородского, и Казанского, и Псковского, и Смоленского, и Тверского, и Югорского, и Пермского, и Вятцкого, и Болгарского, и иных, что Индрик Гална маистр Ливонской, и арцыбискуп Риской²⁹, и Гарман бискуп Юрьевской, и иные бископы, и вся земля Лифленская прислали своих послов к великому государю Ивану Божьей милостию царю и государю всея Руси и великому князю бити челом о том, чтоб великий государь Иван Божьей милостью царь всея Руси и великий князь, Индрика маистра³⁰, арцыбискупа, и бискупа Гармана³¹ и всю землю Лифленскую пожаловал, велел бы наместником своим ноугороцким, и своей отчине Великому Новугороду // **Л. 7 об.** и наместником своим псковским, и отчине своей Пскову с маистром Ливонским и с арцибискупом Риским, и з бискупом Юрьевским, и з бископы, и со всею землею Вифленскою взяти перемирье по старине, да и торг бы тех своих отчин людем велел с ними держати то старине. А что благоверный царь и великий князь по челобитью гостей ноугороцких и псковских и порубежных людей, отчин его Великого Новагорода и Пскова положил был гнев на маистра Ливонского, и на арцыбискупа Риского, и на бискупа Юрьевского, и на иных бископов и на всю землю Вифленскую за церкви Руские и за концы, и за порубежные дела, и за гостины грабежи, и за обиды, и за торговые нисправленья, и что людей служилых и всяких мастеров из Литвы и из замория не пропускали, и за Юрьевские дани, и за старые залогы, и за те за все неиспраленья не велел был наместником своих отчин Великого Новагорода и Пскова дати перемирья, и мы послы Индрика маистра Ливонского

²⁷ Мартын Никифорович Соколовский, переводчик Иностранной коллегии, статский советник и кавалер, сотрудничал с Н. Н. Бантыш-Каменским.

²⁸ С. М. Каштанов обратил внимание, что при директоре Московского архива Государственной Коллегии иностранных дел Г. Ф. Миллере между 1766–1783 гг. был составлен сборник копий русско-ливонских договоров 1509–1554 гг. (РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г. Ф. Миллера). Оп. 1. № 299. Ч. V. Рукопись указал К. В. Баранов — см.: *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 168). Можно предположить, что происхождение копий М. Соколовского, отложившихся в Ф. 64, было связано с составлением этого копийного сборника Г. Ф. Миллера.

²⁹ Вильгельм маркграф Бранденбург-Кульмбах, рижский архиепископ в 1539–1563 гг.

³⁰ Генрих (Хейнрих) фон Гален, магистр Ливонского ордена в 1551–1557 гг.

³¹ Герман II Везель, дерптский епископ в 1552–1558 гг.

Иван Бокостр³² и Ортем Грутгус³³ и писарь Бенедикт, и томач Мелхер³⁴, и бископа Юрьевского Гармана послы Володимер Франгел³⁵ да Тимофей Ковер³⁶, и Власей Бека били челом благоверному царю Рускому и великому князю // **Л. 8.** Ивану его бояры за маистра, и за арцыбископа, и за бископа Юрьевского, и за всю Вифленскую землю, чтоб государь пожаловал, гнев свой отложил, и велел бы отчин своих наместником Великого Новагорода и Пскова дати перемирье, а маистр Ливонской, и арцыбископ Риский, и бископ Юрьевский, и вся земля Вифленская по сем перемирным грамотам и по крестному целованью во всех делех исправятца; и благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси для бояр своих челобитья маистра Ливонского, и арцыбископа Риского, и бископа Юрьевского, и всю Вифленскую землю пожаловал, гнев свой им отложил, и велел бояром своим и наместником Великого Новагорода князю Дмитрею Федоровичу³⁷ и своей отчине Великому Новугороду, и боярину своему и наместнику Псковскому Ивану Петровичу³⁸, и околничему и наместнику Псковскому Василью Петровичу³⁹, и своей отчине Пскову, маистру, и арцыбископу, и бископу Юрьевскому, и всей Вифленской земле дати перемирье на пятнатцать лет, на то, что маистру Ливонскому, и арцыбископу Рискому, и бископу Юрьевскому, и бископом и всей земле Вифленской х королю Полскому и великому князю Литовскому // **Л. 8 об.** не приставати некоторыми делы, ни которою хитростью, или хто иной будет государь на Полском королевстве, и на Великом княжестве Литовском, и маистру, и арцыбископу, и бископом, такъже и всей земле Лифленской к ним не приставати никакими делы; а и дело дудет великому государю Ивану Божию милостью царю и государю всеа Руси, и великому князю с королем Полским и с великим князем Литовским, и маистру Ливонскому, и арцыбископу Рискому, и бископу Юрьевскому, и бископом и всей земле Вифленской х королю Полскому и к великому князю Литовскому никак не приставати, некоторыми делы, некоторою хитростью по сем перемирным грамотам и по сему крестному целованию. А торг великого государя царя Руского отчин Великого Новагорода и Пскова людем торговати с ливонские земли людьми со всеми, и з заморцы со всеми торговати добровольно всяким товаром по старине, опричь воску да сала. А торговати им своими товары на золото, на серебро, и на мед, и на олово, и на свинец, и на сукна, и на иные всякие товары без вывета, опричь одних пансырей. А что благоверный царь и великий князь Иван // **Л. 9.** Васильевич всеа Руси дань свою Юрьевскую, и старые залогы со всею Юрьевские державы со всякие головы по гривне по немецкой положил на бископове душе, сыскати бископу та дань со всею Юрьевские державы как изстари бывало, и прислати к благоверному царю Рускому в третей год сего перемирья. А вперед бископу та дань дати на всякой год без перевода по старине и по крестному целованью. А не учнет бископ тое дани сыскивати, и маистру, и арцыбископу, и бископам, и всем людем

³² Иоганн Бокгорст.

³³ Отто фон Гротхузен.

³⁴ Мельхиор Гротхузен.

³⁵ Вольдемар Врангель.

³⁶ Дидерик Кавер.

³⁷ Дмитрий Федорович Палецкий, новгородский наместник

³⁸ Иван Петрович Федоров, псковский наместник.

³⁹ Василий Петрович Борисов, псковский наместник.

Ливонские земли по сей перемирной грамоте и по крестному целованью та дань сыскати самим, и на бископе та дань доправка по старине, прислати к благоверному царю и великому князю Ивану с своими людьми по сему крестному целованью в правду. А у русских гостей у всех, немецким людем товары не барышничати, торговати им своими товары со всякими людми и з заморцы без барышников. А вес им немцем платити по старине, а церкви русские, и концы, и земли церковные все маистру, и арцыбископу, и бископу очистити по старине, и отдати гостем ноугородцким и псковским в первой год сего перемирья. А служилых людей и всяких мастеров // **Л. 9 об.** всяких земель, отколе хто ни поедет, пропускати в благовернаго царя рускаго державу без всякого задержанья. А великому государю благоверному царю Рускому сослатись о техлюдех с цесарем по своим докончалным грамотам, и толко от цесаря тем людем отпуску не будет, и благоверному царю Рускому на чеснаго князя Лифленского, и на арцыбископа, и на бискупов, и на всю землю Лифленскую в том гневу не полагати, и на том на всем повелением великого государя Ивана Божию милостию царя и государя всеа Руси и великого князя приехаша в великого государя царя Руского отчину в Великий Новгород к великого государя бояром и наместником ноугородцким ко князю Дмитрею Федоровичу, и к бояром, к житеим, и х купцом, и по всему Великому Новугороду отчине великого государя царя Руского послове немецкие от князя Индрика Гална маистра Неметцкого закона иже в Ливленте, и от его кумендерев, и от арцыбископа Риского, и от бископа Юрьевского, и от бископа Островского, и от бископа Курского, и от бископа Колыванского, и от бергоместеров, и от ратманов, и от всее маистрове державы, и от всех его городов, и от всех добрых людей, // **Л. 10.** и от бископлих людей и от всее Лифленские земли, и добиша челом великого государя царя Руского бояром и наместником ноугородцким князю Дмитрею Федоровичю послове немецкие Иван Бокостр, да Ортем Грутгус, да писарь Бенедикт, да толмач Мелхер, да бускупли послы Володимер Франгел, на Тимофей Ковер, да Власей Бека, и уприсиша перемирья у великого государя царя Руского наместников ноугородцких за великого государя отчину за всю Ноугородцкую землю на пятнадцат лет, от Покрова Святей Богородицы лета сем тысяч шездесят третьяго, до Покрова Святей Богородицы лета семь тысяч семьдесят осмаго, и прикончаша перемирье за всю маистрову державу, и за арцыбископлю, и за бископа Юрьевского державу, и за всех бископов, и за всю землю Лифленскую на том, держати это перемирье крепко на обе стороны, как в сей перемирной грамоте писано. А не будет Ливонские земли людей по сему крестному целованью исправленья, и благоверному царю Рускому за их крестное преступление искати своего дела самому, обослав своими посланники. А будет исправление, ино земле // **Л. 10 об.** и воде Великому Новугороду со князем маистром старой рубеж, из Чюцкого озера стержнем Норовы реки, и поперек отсрова, что ниже Ивана города и Ругодива на реке на Норове, да в Солоное море, по старым грамотам по крестным, по княж маистрове грамоте и по крестному целованью. А великого государя Руского царя людем ноугородцом через тот рубеж через стержень Норовы реки, и в половину острова, что ниже Ивана города и Ругодива в маистрову сторону не вступатись, ни пожень не косити, ни леса не сечи, ни земли не орати, ни воды не ловити. Так же и маистру и его людем через стержень Норовы реки в великого государя Ивана Божию милостью царя и государя всеа Руси и

великого князя в вотчину в ноугороцкую половину Наровы реки в правую сторону, и в половину острова, что ниже Ивана города и Ругодива не вступатися ничем, ни пожень не косити, ни леса не сечи, ни земли не орати, ни воды не ловити, знати комуждо своя половина по кресному целованью. А из великого государя царя Руского отчины из Ноугородцкие земли людем его по маистрове державе, и по арцыбископли земли, и по бископлим землям в Юрьев, и в Ругодив, и на Ригу, и в Колывань, и во все города Лифленские земли ездити добровольно, и купити и продати гостем ноугороцкие земли добровольно всякий товар без вывета по старине, на чом // **Л. 11.** благоверному царю и великому князю маистровы послы добили челом, а маистру, и арцыбископу, и бископу через сию перемирную грамоту товару никакова никак не заповедывати во княж маистрове державе, в Юрьеве, и на Колывани, и в Риге, и в Ругодиве, и во всех городех маистровы державы, и в арцыбископлих и в бископлих городех. А сторгует ноугородец с немчином на Ругодиве, а будет товар у немчина Лифленские земли или у заморца в бусе, ино ноугородцу тот товар у немчина добровольно взятии из бусы через край в лодью. А от того ругодивцем кун не имати. А у купчин у ноугородцких немцом воску не колупати, оприче того, что уколупив на опыт немного да отдаст назад ему же. А вошаной вес спустити с ноугороцкими капми. А весити вперед по крестному целованью. А весче имати от вздыма от скалового и дутшкилики против трех денег по старине, а приедет ноугородец на Ругодив с воском, или з белкою, или с ыным с каким товаром, а похочет ехати на Ригу, или на Юрьев, или на Колывань, или в ыной которой город, а положит товар на телегу, ино от того товару весчеге не имати, а наймет ноугородец // **Л. 11 об.** которого извощика, ино тому на телегу и с телеги класти, а похочет ноугородец на Ригу, или на Юрьев, или на Колывань ехати, или в которой в ыной город, ино вольно наняти гороженина или селянина. А свернет ноугородец с пути, ино в том ноугородцу пени нет, а путь указати. А понадобится ноугородцу конь купити в маистрове державе, и в арцыбископлих, и в бископлих городех, и во всей их земле, ино ноугородцу дати от грамоты верник, а на Ругодиве судье объявити, а выводного дати денга, а на пути ноугородцу конь купити добровольно, а в Ругодиве датив ерник, а выводного денга, а которой ноугородец конь купит в маистрове державе, и в арцыбискупове, и в бископлих, а приведет того коня судье объявити, ино судье коня ти не отимати, а денег сильно не наметывати. А также княж маистровым гостем по великого государя царя Руского отчине, по Ноугородцкой земле горою и водою путь им чист безо всяких зацепок, и торговати им всяким товаром без вывета добровольно и солью. А в дворех им в своих в Новегороде торговати по старине, а корчем немцом в Новегороде и по по пригородом в Ноугородцкой земле // **Л. 12.** не продавати. Так же и послом государевым Ивана Божьею милостью царя и государя всеа Руси и великого князя, и послом наместников Ноугородцких, и послом Иванегородцкого наместника по княж маистрове державе, и по арцыбискупове земле, и по бискуплим землям горою и водою путь им чист безо всяких зацепок на Ригу, и на Юрьев, и на Колывань, и на Ругодив, и по всем их городом, иди поедут от великого государя Ивана Божьею милостью царя и государя всеа Руси, и великого князя послы его к иным государем за море, или к государю к Ивану Божьею милостью царю и государю всеа Руси и великому князю пойдут от иных государей послы их, и тем обоим послом через Лифленскую землю по княж маи-

строве державе и по арцыбискупове земле и по бискуплим землям горою и водою путь им чист безо всяких зацепок на Ригу, и на Юрьев, и на Колывань, и на Ругодив, и по всем их городом во всю землю Ливонскую, и послов не задерживати, и постоянного, и перевозов, и проводного не имати на обе стороны. А блюсти немцом великого государя Ивана Божьею милостию царя и государя всеа Русии и великого князя послов, и наместников ноугородцких послов, и Иванегородского наместника послов, и людей, // **Л. 12 об.** и гостей всех Ноугородцкие земли на своих городех, и на земле, и на море как своего немчина безо всякие хитрости. Так же и маистровым ливонского, арцыбископлю, и бискуплим послом к великому государю Ивану Божьею милостью царю и государю всеа Русии и великому князю по его отчине по всем городом, и к его наместником ноугородцким, и к иванегородцкому наместнику горою и водою путь чист безо всяких зацепок, и послов не задерживати и отпущати без мешканья. А блюсти великого государя наместником маистровых, и арцыбискуплих, и бискуплих послов и гостей и всей земли Ливонской на великого государя городех на земле и на воде, как своего ноугородца безо всякие хитрости. А о обидных делех о всяких наместником ноугородцким великого государя со князем маистром ссылатися послы с вели [...] ⁴⁰ с ноугородцкими, и управа дати всяким обидным делом на обе стороны по крестному целованью в правду безо всякие хитрости в третьей год сего перемирья. А вперед на кором городе почнетца каково дело ноугородцу в маистрове державе [...] ⁴¹ и в бискуплих // **Л. 13.** державах, и во всей земле Лифленской, ино туто ему управа дати по исправе и по крестному целованью, не в великих делех до десяти рублей ноугородцких, а выше десяти рублей каково будет дело, ино в тех [...] ⁴² и в арцыбискуплих и в бискуплих городех ноугородца с немчином не судити, а дати ответчика ноугородца на поруку, а по котором не будет поруки, ино его дотоле держати на крепости, да о том им сослатися с наместники ноугородцкими. А в Ноугородцкой земле каково будет дело немчину Лифленские земли, ино также ему туто управу дати по исправе и по крестному целованью не в великих же делех, до десяти рублей ноугородцких, а выше десяти рублей каково дело будет, ино в Новегороде немчина с ноугородцом не судити ж, а дати ответчика немчина на поруку, а по котором не будет поруки, ино его дотоле держати на крепости, да о том наместником ноугородцким сослатись с маистром, да срок учинити обоим истцом, с обеих сторон стати на съезде [...] ⁴³ на вопчем острове, а наместником ноугородцким, и маистру, и арцыбископу, и бископу, и бергомейстером, и ратманом, где будет то дело в чьей державе, сослати по тому сроку // **Л. 13 об.** на съезд судей, а судьям те дела судивши судом вопчим, да и управа им тем делом чинити с обыском по крестному целованью. А дойдет которой немчин до казни в каком деле ни буди в Ноугородцкой земле, ино его в Новегороде не казнити, а сослатись о том наместником ноугородцким с маистром, да срок учинити поставити того немчина на съезде перед судьями, а дойдет в какове деле ни буди ноугородец до казни в немецких городех в маистрове державе, и в арцыбискуплих, и в бискуплих городех, и того ноугородца в немецких городех также не казнити, а обослатись

⁴⁰ В тексте пропуск половины строки. Судя по смыслу — «с великого князя наместниками».

⁴¹ В тексте пропуск 1–2 слов, судя по смыслу — «в арцыбископовой».

⁴² В тексте пропуск 2–3 слов.

⁴³ В тексте пропуск 1–2 слов.

маистру, или арцыбископу, и бископом с наместники с ноугородцкими, да срок учинити поставити того ноугородца на съезде перед вопчими судьями, а судьи вопчие учинят тем делом конце на съезде с обыском по крестному целованью. А взыщет ноугородец на немчине, а досудят до целованья, ино целовати ответчику немчину, а взыщет немчин на ноугородце ж, а досудят до целованья, ино целовати ответчику ж ноугородцу; а судити немчина как своего ноугородца, а знати истцу // **Л. 14.** истца по своей исправе, а порубу в том не бытии на обе стороны. А что написано в первых перемирных грамотах великих государей Ивана Божьею милостию царя и государя всеа Руси и великого князя, и великого государя Василья Божьею милостью царя и государя всеа Руси и великого князя, которые купцы ноугородские в Юрьеве, и во княж маистровых городех, и в арцыбископлих, и в бископлих, и во всей земле Лифленской поиманы, и товар у них поотиман, и маистру, и арцыбископу, и бископу Юрьевскому, и всем бископом тех купцов ноугороцких всех со всем их товаром отпустить, а которых будет купцов ноугородцких не стало в том нятстве, или которой утек ис того нятства, а товар их остался в маистрове державе, и в арцыбископле, и в бископове Юрьевского державе, и в ьных бископов державе, и во всей земле Лифленской, или которой товар ноугороцкой у кого положен в их державах, и князю маистру, и арцыбископу, и бископу Юрьевскому, и иным бископом тот товар весь отдати // **Л. 14 об.** ноугородцким купцом, и сего будет того товару маистр, и арцыбископ, и бископ Юрьевской, и все бископы, и их люди по тем перемирным грамотам в те годы ноугородцам не отдали, и тем делом всем великого государя наместником ноугородцким обослався с маистром, и с арцыбископом, и з бископы учинити срок на съезде в третьей год сего перемирья, да ноугородцом на том съезде целовати крест, кому будет того товару не отдали, и маистровым людем, и арцыбископлим, и бископлим людем то платити, а наместнику Иванегороцкому целовати крест на том, какво будет дело ругодивцом до иванегородцов, и ему того обыскивати, и управа давати всяким обидным делом на пряме по крестному целованью. Также ругодивскому князю и судьям крест целовати на том, какво дело будет иванегородцом до ругодивцов, и им того обыскивати и управа давати всяким обидным делом на пряме по крестному целованью. А татя, беглеца, и холопа, и робу, по крестному целованью обыскав, по исправе выдати. А церкви Божьи Руские, и концы, и земли церковные в маистрове державе, и в арцыбископле, и в бископлих державах где ни буди, и те церкви очистити // **Л. 15.** совсем, и держати по старине, а их не обидити, а которые дела промеж великого государя отчины Ноугороцкие земли с Лифленскою землею делались до сего перемирья, и тем делом всем дерт⁴⁴ на обе стороны, опричь тех дел, которые в сей перемирной грамоте имянно писаны. А в котором городе в маистрове державе, и в арцыбискуплих землях, и в бископлих землях у ноугородца бороду выдерут, ино того немчина с ноугородцом поставити на съезде перед судьями на вопчем суде, а доведут на того немчина на вопчем суде перед судьями судом и исправою, и судьям то немчину учинити вина и казнь по суду. А что было преж сего поедет наместников ноугороцких посол ко князю маистру, или в Ригу, или в Кольвань, ино маистров проводник в Ругодиве имал на наместничих послах рубль; также маистров посол поедет

⁴⁴ Так в рукописи.

к великому государю, или к его наместником в Новгород, ино ноугороцкой проводник на Яме городке имал у маистра послать рубль, и того рубля не имати на обе стороны ни в Ругодиве на наместничих послех, ни на Иванегороде на маистровых послех, а проводника давати на обе стороны безкунно, в Ругодиве великого государя послом, и наместничим послом, и Иванегородского наместника послу до князя маистра, и до Риги, и до Колывани, // **Л. 15 об.** а на Иванегороде князь маистрову послудо Новагорода до Великого. А что в Новегороде в Великом имали на маистровых послех подворное, а в немецких городех в маистрове державе, и в арцыбископле, и в бископлих городех имали подворное на послех ноугороцких наместников, и впредь послом на обе стороны давати подворья, а подворного на послех не имати, а порубу не бытии ни в чем на обе стороны. А хотя будет промеж великого государя отчин Великого Новагорода и Пскова с Лифленскою землею и дело каково, ино в обеих сторонах в великого государя отчинах в Великом Новегороде, и во Пскове, и во всех городех, а в немецких в маистрове державе, и в арцыбискуплих, и в бископлих городех, и во всей земле Лифленской посла и гостя в том не порубати и не грабити, и товару у гостей не отнимати, а отпускати послов и гостей со всем на обе стороны добровольно безо всякие зацепки. А на том на всем на сей грамоте повелением великого государя Ивана Божьею милостью царя и государя всеа Руси и великого князя боярина и наместника ноугороцкого князя Дмитрея Федоровича, целовали крест боярин ноугороцкой Василей Иванович Квашнин, да староста купецкой Олексей Дмитриев сын Сырков, да Иван Борзунов, а боярин и наместник князь Дмитрей Федорович на сей перемирной грамоте руку дал, и печать свою привесил, а от князя маистра, и от арцыбископа Риского, и от бископа Юрьевского, и от всех бископов которые в сей грамоте писаны, и от всеи земли Вифленские маистровы державы на сей грамоте целовали крест послы немецкие Иван Бокостр, да Ортем Грутгус, да писарь Бенедикт, да толмач Мелхер, да бископли послы Володимер Франгель, да Тимофей Ковер, да Власей Бека, да и печати свои к сей грамоте привесили, а как великого государя и царя Руского наместники ноугороцкие пошлют своего посла ко князю маистру, и князю маистру перед тем послом на сей грамоте самому крест целовати, и за арцыбископа, и за бископов, и за все свои города, и за всю свою державу за Лифленскую землю, и печать своя маистру к сей грамоте привесити // **Л. 16 об.** а арцыбископу Рискому, и бископу Юрьевскому руки дати за свои державы, и печать своя к сей грамоте привесити. А кончали перемирье в Великом Новегороде лета 7062.

РГАДА. Ф. 64. Оп. 2. Д. 11. Л. 7–16 об.

№ 2.

**Договор псковских наместников с дерптским епископом,
24 июня 1554 г.**

Копия с перемирной грамоты учиненной в Новегороде на пятнадцать лет, между бискупа Юрьевского и псковскими наместники, на которой кресть целовали юрьевские послы Володимер Франгель да Тимофей Ковер с товарищи, а с государеву сторону старосты псковские Иван Никитин сын Ковырин, да Григорий Семенов сын Покрышкин.

Л. 1. По Божией воле, и по великого государя велению царя Руского Ивана Божию милостию государя всеа Русии, и великого князя Володимерского, и Московского, и Ноугородского, и Казанского, и Псковского, и Смоленского, и Тверского, и Югорского, и Пермьского, и Вятцкого, и Болгарского и иных. Се приехаша в великого государя царя Руского отчину в Великий Новгород, к великого государя и царя Руского боярину и наместнику ко князю Дмитрею Федоровичу из великого государя и царя Руского отчины из Пскова от его боярина и наместника псковского Ивана Петровича и от околичего и наместника Василия Петровича, и от всего великого Пскова отчины великого государя и царя Руского послы наместников псковских старосты псковские Иван Никитин сын Ковырин, да Григорей Семенов сын Покрышкин. Так же приехаша от чеснаго бископа Юрьевского и от посадников и от ратманов и от земных бояр и от всех юрьевцов послы юрьевские Володимер Франгел, да Тимофей Ковер, да Власей Бека в Великий Новгород. И добиша челом великого государя царя Руского боярину и наместнику в Великом Новгороде князю Дмитрею Федоровичю. И прикончаша перемирье с послы псковскими отчины великого государя и царя Руского с старостами псковскими на пятнатцать лет от Покрова святя Богородици, лета 7063, до Покрова святя Богородици лета 7078 за честнаго бископа Юрьевского, и за посадников, и за ратманов и за всех юрьевцов, и за их земных // **Л. 1 об.** бояр и за все города и за всю юрьевскую державу на то, что благоверный царь, князь Иван Васильевич всеа Русии положил был гнев на честнаго бископа Юрьевского, и на ратманов, и на посадников за порубежные дела, и за гостей ноугородцких и псковских бесчестья и за обиды и за торговые несправленья, и за церкви руские, и за концы, и за дань, и за старые залогы, и что из Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропускали. И за то не велел был наместником своих отчин Великого Новгорода и Пскова дати перемирья. И мы, послы бископа Юрьевского, Володимер Франгел, да Тимофей Ковер, да Власей Бека били челом благоверному царю Рускому и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, его бояры за чеснаго бископа Юрьевского, и за посадников, и за ратманов, и за всю юрьевскую державу, чтоб Государь пожаловал, гнев свой отложил, и велел отчин своих наместником Великого Новгорода и Пскова дати перемирье на колко лет пригоже. А бископ Юрьевский и вся держава Юрьевская в те лета по перемирной грамоте, и по крестному целованью во всех делех исправятца. А дань и старые залогы собрав по крестному целованью пришлют благоверному царю Рускому в третьей год сего перемирья. А вперед ту дань учнут присылати на всякой год бес перевода. И благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии для бояр своих челобитья бископа Юрьевского и всю юрьевскую державу пожаловал, гнев им свой отложил. И велел бояром своим и наместником Великого Новгорода и Пскова дати перемирье на пятнатцать лет, от Покрова святя Богородици, лета 7063 // **Л. 2.** до Покрова святя Богородици лета 7078. А то перемирье по сей грамоте держати крепко на обе стороны. А рати и войны неподымати. А дань благоверного царя Руского со все юрьевские державы со всякие головы по гривне по немецкой, oprичь церковных людей богомолцов, и старые залогы, как бывало изстари. И благоверный царь и великий князь ту свою дань и старые залогы положил на бископле душе, и бископу Юрьевскому та дань сыскати самому в правду по крестному целованью, как исстари бывало. Да собрав

та дань по старине, прислати к благоверному царю и великому князю в третьей год сего перемирья по сему крестному целованью. А вперед та дань давати бископу Юрьевскому на всякий год бес перевода по старине по крестному целованью. А великого государя и царя Руского наместником псковским и отчины его великому Пскову в те перемирные лета бископа Юрьевского земли и всей его державы не воевати, ни зацепляти ничем, ни на воды его, ни на земли не наступати. Так же бископу Юрьевскому и изо всей его державы в те лета великого государя царя Руского отчины, Псковские земли, не воевати, ни зацепляти ничем, ни на земли их, ни на воды не наступати. А промеж великого Пскова и Юрьева земле и воде старой рубеж по старым грамотам. А озеро Великое псковичем ловити к своему берегу, а за озеро Великое псковичем ловити не ездити на немецкую сторону. А станет по грехом изнеможенье, ветром занесет псковского ловца на немецкую сторону, ино в том пени нет. Так же и немцом озеро // **Л. 2 об.** Великое ловити к своему берегу, и за озеро за Великое немцом ловити не ездити на псковскую сторону. А по грехом станет изнеможение, занесет ветром немецкого ловца на псковскую сторону, ино в том пени нет. А во Псковское озеро немцом ловити не ездити. А на Измене⁴⁵ немцом норных тенет не имати. А псковичем на Измене тенет норных не имати ж. А что отчина великого государя Псковь били челом Ивану, Божию милостью царю и государю всеа Руси и великому князю о том, что бископли люди юрьевского вступились в псковские земли и воды через старой рубеж, и великий государь наместником ноугородским на ту землю послати судей на съездъ. А великого государя наместником псковским, и отчине великого государя Пскову, з бископомъ с Юрьевским учинивши срок, да на ту землю сослати людей честных на съезд. А бископу Юрьевскому х тому сроку на ту землю послати своих людей честных на съезд. И те судиа великого государя, и люди добрые с обеих сторон на ту землю съехався, да обыскав по крестному целованью, учинят земле и воде рубеж по старым перемирным грамотам и по сему крестному целованью. А вперед на чюжую землю и воду не полести на обе стороны. А хто с которые стороны полезет на чюжую землю или воду, ино тому живота не дати. А из великого государя и царя Руского отчины, изо Псковские земли, гостем с купцами по бископове державе Юрьевского на Юрьев, и на Ригу, и на Кольвань, и на Ругодив и во все города и в державу бископа Юрьевского горою и водою путь чист, приехати и отъехати безо всякие зацепки, и купити доброволно // **Л. 3.** всякой тавар у всяких гостей Вифлянские земли, и у заморцов золото, и серебро, и медь, и олово, и свинец, и сукна, и иные тавары, опричь одних пансырей. Также и продавати всякие свои тавары без вывета, опричь воску да сала, да и на Матерую реку псковичем ездити торговати доброволно по старине, и на розницу или вместе продавати псковичем тавар свой доброволно же всяким гостем Лифленские земли и заморцом. И ис погребов псковичем торговати доброволно по старине по крестному целованью. А конопля и лен любити немцов на подворье или на учане, или на берегу. А толко ся скалавницы приведут, ино от скалавницы конопель или лну не ворочати, и по весем не вымежывати. А колоде во всей Юрьевской земле не быти нигде, и гостинца от того не имати. Такъ же бископа Юрьевского людем и изо всех городов его державы великого государя отчину во Псковскую

⁴⁵ Имеется в виду т. н. Узмень — пролив между Псковским и Чудским (Великим) озерами.

землю во все города или к Новугороду к Великому по Псковской земле горою и водою путь им чист, приехати и отъехати безо всякие зацепки. И купити и продати доброволно всякой тавар без вывета, и соль, опричь воску и сала. А корчмы немцом во Псковской земле не продавати. А весчее имати у гостей и у купцов у псковских в немцах в бископове державе по старине, от скалового веса по денге. А во Псковской земле у немецких гостей бископовы державы имати от скалового веса по четыре любетцких по старине. А воску у псковских гостей немцом не колупати, опричь того, что, уколупив на опыть, да ему отдати ж назад. А что написано в первых // **Л. 3 об.** перемирных грамотах великих государей Ивана Божию милостью царя и государя всеа Руси и великого князя, и сына его, великого государя Василья, Божию милостью царя и государя всеа Руси и великого князя, которые купцы псковские в Юрьеве и в ыных городех во всей бископове державе пойманы, и тавар их поотниман, и бископу Юрьевскому тех купцов псковских всех со всем их таваром отпустить, а которых купцов в том нятстве не стало, или которые ис того нятства утекли, а тавар их остался в Юрьеве, или которой тавар псковской у кого положен в Юрьеве и в ыных в бископовых городех, и бископу Юрьевскому тот тавар весь отдати псковичем. А чего буде того тавару бископ и его люди после тое грамоты перемирные в те годы псковичем не отдали, и тем делом всем великого Государя наместником псковским и псковичем, обослався бископом с Юрьевским учинити срок на съезд в третей год сего перемирья. Да псковичем на съезде на том целовати крест, кому будет того тавару чего не отдали, а бископлим людем то им платити. А на котором городе почнетца какво дело псковитину в бископове державе Юрьевского во всех его городех, ино туто ему управа давати по исправе, и по крестному целованью не в великих делех до десяти рублей псковских. А выше десяти рублей будет какво дело, ино в техъ городех бископове державе псковитина с немцином не судити, а дати ответчика псковитина на поруку. А по котором не будет поруки, ино того дотоле // **Л. 4.** держати на крепости, да о том сослатися с великого государя намесники псковскими. А во Псковской земле какво будетъ дело немчину бископовы державы Юрьевского, ино также туто ему и управа дати по исправе и по крестному целованью не в великих делех, до десети рублей псковских. А выше десети рублей какво дело будетъ, ино во Пскове немчина со псковитином не судити, а дати ответчика немчина на поруку, а по котором не будетъ поруки, ино его дотоле держати на крепости, да о том великого государя наместником псковским сослатися з бископомъ с Юрьевским, да срок учинити обоимъ исцем с обеих сторон стати на съезде. А великого государя наместником псковским и бископу Юрьевскому и ратманом и бояром земным Юрьевским сослати х тому сроку на съезд судей, и судиам те дела судити на съезде судомъ вопчим, да и управа им тем делом всем учинити с обыском по крестному целованью. А дойдет которой немчин до казни в какове деле ни буди во Псковской земле, ино его во Пскове не казнити, а сослатца о том великого государя наместником псковским з бископом с Юрьевским, да срок учинивши, поставити того немчина на съезде перед судьями. А дойдет в какове деле псковитин до казни в бископове державе Юрьевского во всех его городех, и того псковитина в бископове державе Юрьевского так же не казнити, а обослаца бископу Юрьевскому с великого Государя наместники псковскими, да срок учинивши поставити того псковитина на съезде перед вопчими судьями. А судьи

// **Л. 4 об.** вопчие учинят тем делом конец на съезде с обыском по крестному целованью. А съезду быти на рубеже под Новым городком⁴⁶. А взыщет псковитин на немчине, а досудят до целованья, ино целовати ответчику немчину. А взыщет немчин на псковитине, а досудят до целованья, ино целовати ответчику псковитину. А судити немчина как своего псковитина. А в немцах судити псковитина как своего немчина. А знати истцу истца по своей исправе. А порубу в том не быти на обе стороны. А намеснику изборскому и людем добрым изборчаном целовати крест на том, каково будет дело Новагородка людем до изборчан, и им того обыскивати, и управа давати всяким делом обидным на пряме по крестному целованью. Также и Новагородка намеснику, бископле Юрьевского бископа, и судьям Нового городка крест целовати на том, каково дело будет изборчаном до людей Нового городка, и им того обыскивати и управа давати делом обидным на пряме, по крестному целованью. А татя и беглеца и холопа и робу по крестному целованью, обыскав, по исправе выдати. А церкви руские, и земли церковные и конец русской в Юрьеве бископу Юрьевскому очистити, и отдати гостем псковским держати по старине, а не обидити. А взятое церковное отдати все. А в котором городе в бископове державе Юрьевского у псковитина бороду выдерут, и того немчина со псковитином поставити на съезде перед судьями на вопчем суде. А доведут на того немчина на вопчем суде перед судьями судом и исправою, и судьям тому немчину учинит вина и казнь по суду. А порубу не бытии // **Л. 5.** ни в чем на обе стороны. А хотя будет промеж великого государя отчины Пскова, з бископлею землею Юрьевского и дело каково, ино в обеих сторонах в великого государя отчине во Пскове, а в немцах в бископове державе Юрьевского во всех его городех посла и гостя в том не порубати и не грабити, и тавару у гостей не отнимати, а отпускати послов и гостей со всем на обе стороны доброволно безо всякие зацепки. А в те перемирные лета намесников псковских послу по бископле державе Юрьевского по всемь его городом путь чисть горою и водою приехати и отехати доброволно безо всяких зацепокъ. И толмачем Юрьевским от толкованья у псковских послов гостинца неимати. И дрова псковичем под Юрьевом имати по старине по крестному целованью доброволно. А блюсти бископу Юрьевскому великого государя царя Руского отчины послов намесников псковских, как своего немчина, безо всякие хитрости. Так же и бископа послу по Псковской земле путь чист горою и водою, или к Новому городу по Псковской земле приехати и отъехати доброволно безо всяких зацепок. А о обидных делехъ о всяких посылати послов управы просити до трижды на обе стороны, и учинят в чем управу, ино Бог дай так. А не учинят с которые стороны обидным делом управы, и тем делом срок учинити на съезде, да учинят тем делом конец судьи на съезде по крестному целованью. А что по первым перемирным грамотам, которым делом с которые стороны конца не учинят, и псковичи с немцы в том промеж себя порубалися, а имали за свое на рубеже, и вперед которым делом с которые стороны сами конца не учинят, и тем делом всем быти на съезде // **Л. 5 об.** перед вопчими судьями. А судьям вопчим на съезде всем делом чинити конец обыском по крестному целованью, и по сей перемирной грамоте. А порубу не быти ни в чем

⁴⁶ Ливонский город Нейгауз.

на обе стороны. А посла и гостя и их тавар в том непорубати и миру тем не рушити, тот мир держати до урочных лет по сей перемирной грамоте крепко. А рати и войны не починати никоторою нужею на обе стороны, и грамот перемирных в те лета не отсылати на обе стороны. А старым делом всем дерт на обе стороны, опричь тех дел, которые в сей перемирной грамоте писаны. А се перемирье бископу держати крепко безо всякие хитрости по крестному целованью, и по сей перемирной грамоте. А как отоидут се лета по сей перемирной грамоте, ино быти месецу на обе стороны. А в том месеце рати и войны не подымати на обе стороны по крестному целованью. А послом в том месеце ездити путь чист на обе стороны по крестному целованью. А не порубати посла и гостя и с их таваром ни в великом деле, ни в малом, никоторою нужею по крестному целованью. А за татя, и за разбойника, и за головника не стояти по крестному целованью на обе стороны. А с которые стороны не учнут правити крестного целованья, ино на того Бог, и крестное целованье, и мор, и голод, и огонь, и меч. А отойдут лета, и нам жити в старом миру. А коли будет нелюбовь великого государя царя всеа Руси отчины наместников псковских, и отчины его Пскова до меня, юрьевского честнаго бископа, и до посадников, и до ратманов, и до всех юрьевцов. Или мне, честному бископу Юрьевскому, и посадником, и ратманом и всем юрьевцом будет нелюбовь, до великого государя наместников псковских, // Л. 6. и отчины его Пскова, ино мир нам отказати. А потомь олиже месяц пройдет, четыре недели, то на обе стороны воиватися. А в том месеце послом ездити на обе стороны безо всякие пакости. А на сей перемирной грамоте руку дал и печать свою приложил великого государя царя Руского боярин и наместник Великого Новагорода княз Дмитрий Федоровичь, также великого государя царя Руского боярин и наместник псковский Иван Петровичь. И околничей и наместник Василей Петровичь руки дали, и печати свои приложили. А старостам псковским крест целовати за Псков, и за все псковские города и за всю Псковскую державу, и за отчину великого государя царя Руского. А честному бископу Юрьевскому рука дати и печать своя приложити. А посаднику юрьевскому и всем добрым людем крест целовати за Юрьев, и за всю юрьевскую державу, и печать юрьевская приложити. А на сей перемирной грамоте крест целовали старосты псковские великого государя царя Руского отчине, в Великом Новегороде Иван Никитин сын Ковырин, да Григорей Семенов сын Покрышкин. Также послы бископа Юрьевского Володимер Франгель, да Тимофей Ковер, да Власей Бека, крест целовали за Юрьев и за всю юрьевскую державу. А как пошлют великого государя царя Руского бояре и наместники псковские Иван Петровичь и Василей Петровичь своего посла к бископу Юрьевскому, и честному бископу Юрьевскому рука дати, и печать своя приложити. А посаднику юрьевскому и людем добрым бископа Юрьевского державы крест целовати за Юрьев, и за всю Юрьевскую державу, и печать юрьевская приложити. А кончали перемирие в великого государя царя Руского отчине в Великом Новегороде. Лета 7063, месеца июня.

РГАДА. Ф. 64. Оп. 2. Д. 13. Л. 1–6.
Список (дефектен, с пропусками слов): РГАДА. Ф. 64.
Оп. 2. Д. 11. Л. 27–37.

Summary

Livonian War (1558–1583) was prepared by Russian-Livonian treaties of 1554. They were similar to treaties of 1535, 1550 all along the line, except for the urgent request of so called «Yuriew tribute». An origin of this tribute had been lost in ancient days, and probably descended from the tribute of Lettish inhabitants of Talova in the 13th century. But the tribute was never paid. In 1554 the claim of tribute was brought up to date. Livonian envoys agreed with it, but decided, that they would dispute a claim in court of Emperor of Holy Roman Empire. But it was a mistake, and the war was began in 1558. In the attachment of the article the texts of treaties from the Russian state Archive of Ancient Acts are published.